

ЖИЗНЬ Н.П. ПАШЕНЦЕВА КАК ЗЕРКАЛО СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ (ОБ АНТОЛОГИИ, СОСТАВЛЕННОЙ Е.Е. ШЕРЕМЕЕВЫМ)

Шеремеев Е.Е. Николай Петрович Пашенцев (1921-2011): искусство публично мыслить.

Научное историко-документальное издание / Ред. В.Н. Парамонов.

Самара: ООО «Изд-во Ас Гард», 2012. 513 с.

Верно сказали поэты: в песчинке отображается целый мир, в одном мгновенье – вечность. Также и отдельный человек воплощает в себе весь «объём», «ток и нерв» своего времени, позволяя лучше понять его. Потому так полезны жизнеописания, одно из которых перед нами.

Это материалы для биографии, собранные и систематизированные в одной книге кандидатом наук, доцентом Е.Е. Шеремеевым, взявшимся за изучение жизни своего учителя, Н.П. Пашенцева (1921-2011), известного в Самаре преподавателя и лектора Общества «Знание». Данный труд является плодом добросовестного изучения личного архива Пашенцева. Привлечены также архивные самарские материалы (СОГАСПИ, вузовские архивохранилища), периодические издания РСФСР и БССР 1940-1990 гг., воспоминания коллег и родных. В состав историко-документального издания включён биографический очерк, перепечатан ряд работ Пашенцева, содержатся материалы о его преподавательской и руководящей работе как заведующего кафедрой. В книге множество разнообразных фотографий и справочного материала. Бесспорной заслугой Е.Е. Шеремеева являются содержательные комментарии, касающиеся не только самого героя книги, но и его окружения, включая сведения о представителях партийно-государственной элиты СССР.

Чем полезен обозреваемый труд? Историком известно, что главные вопросы жизни являются и основными предметами историографии. Очевидно, важнейшим делом исторической науки становится изучение недавней Советской эпохи. Главную проблему можно сформулировать так: почему Советская Россия (СССР), победив германо-европейское нашествие 1941 года и последующих лет, сумев создать, казалось бы, великую автаркию со своей культурой, наукой, инженерной мыслью, народным хозяйством, победоносной армией и флотом, так бесславно скончалась к 1990 году? Если мы правильно ответим на этот вопрос, то, возможно, сумеем наконец избавиться от хронических язв прошлого, которые узрим. Думается, решению этой главной задачи отвечает работа Е.Е. Шеремеева, посвященная Н.П. Пашенцеву, идеологу-коммунисту и патриоту.

Он прожил долгую жизнь, пытаясь «не поступаться принципами» Ленина и Сталина, на которых был воспитан в годы своей юности, при-

шедшейся на предвоенное время. Сын воронежского рабочего, Пашенцев окончил среднюю школу в 1939 году, как секретарь комитета комсомола был принят в компартию. Затем стал студентом-заочником Московского юридического вуза Прокуратуры СССР, после начала Великой Отечественной войны работал следователем городской прокуратуры Воронежа, учился на историко-филологическом факультете университета. Вместе с коллективом Воронежского авиационного завода эвакуировался в Куйбышев, работал с отцом и братом на авиационном заводе. В 1943 году был направлен в Москву для завершения образования, окончив в 1944 году курс Юридического заочного института (ВЮЗИ). Затем он был определён в Высшую партийную школу при ЦК ВКП(б), курс которой завершил в 1946 г. Последовала партийно-пропагандистская и преподавательская работа в Москве и Минске. После защиты в Белорусском университете диссертации по отечественной истории (о революции 1905 года на западе России), Пашенцев в 1952 г. был направлен работать заведующим кафедрой марксизма-ленинизма в Куйбышевскую высшую партшколу. После закрытия этого учебного заведения он был переведён на работу заведующим кафедрой истории КПСС Куйбышевского индустриального института. После нелицеприятного выступления «на партактиве» города в феврале 1960 г. был снят с должности. Перешел работать рядовым доцентом в Плановый институт, и только в 1965 г. (после падения Н.С. Хрущёва) был избран на должность заведующего кафедрой. Одновременно он вёл большую лекторскую работу как один из ведущих лекторов-международников Общества «Знание». В 1980 г. Пашенцев из-за конфликтной ситуации в институте (по «квартирному вопросу») перевёлся на работу в Куйбышевский университет и вышел на персональную пенсию «республиканского масштаба». С начала 90-х годов Пашенцев участвует в политической борьбе как коммунист-оппозиционер, возглавивший самарское отделение ВКПБ, радикальной коммунистической партии во главе с Н. Андреевой.

Материалы книги показывают, что среди низовых партийных кругов Советской России были деятели, преданные догмам коммунистической веры. Они нравственно страдали, наблюдая, как говорилось, за «идейным перерождени-

ем» элиты. В работе много свидетельств этого. Так, Пашенцев негодовал по поводу уклонения Н.С. Хрущёва от сталинизма, открыто протестовал против крена М.С. Горбачёва в сторону Запада, наконец, выступил с критикой главы компартии Г.А. Зюганова за, как он полагал, соглашательство с буржуазией в 90-е годы (стр.176-183, 315-326, 352 и далее). Он и лидерам «своей» лево-радикальной «антизюгановской» компартии пенял за теоретические «ошибки» (стр.404-456).

Читая подборки работ Пашенцева, отзывы о нём, создаётся впечатление, что хлёсткая фраза «колебался с линией партии», характеризующая типичного представителя старой коммунистической элиты, к нему не подходит. В 1960 году его жёстко раскритиковали за попытку свободного публичного размышления «в своём кругу» о новизне внешней политики Хрущёва. Он призывал, например, не замалчивать в устной пропаганде антикоммунизм и национализм Г. Насера, лидера Египта. Так, на собрании городского партийного актива 1 февраля 1960 г. он заявил: «Одно дело печать, одно дело заявления официальных лиц, а другое дело, когда мы ведём устную пропаганду <...> Вы [что] не встречались с таким случаем, когда говорят: Вот целовались [Хрущёв с Насером], а он [Насер] нам в глаза наплевал?». Приведя другие аналогичные примеры, Пашенцев весьма смело обобщил: «Мне кажется, надо критиковать Отдел пропаганды и агитации ЦК партии» (стр.178-179).

Подобная самостоятельность суждений не приветствовалась в «монолитной КПСС». Секретарь Куйбышевского горкома А.Г. Капитонов не преминул тогда выговорить учёному-коммунисту за попытку свободного размышления, осудив: «Тов. Пашенцев – человек грамотный, эрудированный... Но он допускает серьёзные ошибки. Он не прочь сказать что-либо своё...» (стр.180). В наказание Пашенцев был лишен заведования кафедрой и был вынужден искать работу в другом вузе.

Историки должны быть признательны составителю книги Е.Е. Шеремееву за отыскание и введение в оборот процитированного протокола заседания партактива, бывшего долгое время секретным. В этой истории уже ощутим системный кризис советской власти. Обречена та система, которая отвергает свободную дискуссию в рамках своей парадигмы. Это было свидетельством начинавшегося неверия верхов в собственный круг идей. То, что случилось со страной к 1990 году, было запрограммировано в этом тотальном «единомыслии без размышления», которое пытались сломать деятели типа Пашенцева, но их попытки были обречены, поскольку свобододолюбцы не сумели учредить что-то вроде

внутрипартийной «платформы».

Большинство партийных деятелей тех лет оставляли на своих кухнях любые намёки на конструктивную оппозиционность, без которой, повторяю, невозможно развитие любой общественной системы, и дружно ополчались на таких возмутителей спокойствия, как Пашенцев. Характерны в этой связи «идейные» столкновения героя рассматриваемой книги и известного куйбышевского историка-краеведа профессора К.Я. Наякшина. Пожалуй, первый их спор состоялся сразу после смерти Сталина в их бытность заведующими двумя кафедрами Высшей партийной школы. В кабинете директора школы собрались заведующие кафедрами, обсуждая случившееся. Пашенцев высказал опасение, что наследники вождя могут «профукать богатое наследие». С этим обоснованным «субъективным» подходом не согласился Наякшин, сказав, что «партия жива, значит, и дело Ленина будет жить» (стр.40).

Материалы книги позволяют сделать вывод о Пашенцеве как представителе русского национал-большевизма, этого сталинского общественно-политического направления, сделавшего неудавшуюся попытку соединения марксизма с русизмом. История показала, что такое сочетание в Советской России не стало плодотворным. Действительно, «в одну телегу впрячь не можно коня и трепетную лань». Материалы самого Пашенцева об этом свидетельствуют. То он выступает как склоняющийся к *русскому воззрению*, то он последовательный *интернационалист*, не отдающий должное народным началам жизни. Так у героя книги химерически сочетались две противоположные тенденции, среди которых верх взял не русизм, а марксизм-ленинизм с фантастическим «пролетарским интернационализмом», идолу которого он искренне служил.

Вот, например, Пашенцев даёт отзыв о лекции проф. К.Я. Наякшина, прочитанной в начале 1955 г. на тему: «Наука, литература, искусство России первой половины XIX века». Пашенцев обращает внимание на дефицит национального чувства у лектора, который не прослеживает, что «советские люди» – это «наследники русской науки прошлого» и, например, поэтому «имеют неоспоримые права в решении вопросов об Антарктике», на которую посягают «американские империалисты». Далее, делалось замечание в том же национальном духе: «Говоря о великом русском химике Зинине, тов. Наякшин ни словом не обмолвился о том, что Зинин отказался работать у немца Либиха <...> ибо он стремился создать русскую химическую школу, что ему принадлежат знаменитые слова: «Довольно нам ходить на помочах за границы, пора нам создавать свою науку». И ещё справедливый упрёк: «Читая лек-

ции по истории науки в России, т.Наякшин умудрился не сказать ни одного слова о развитии исторической науки в России, имена Карамзина, Соловьёва и др. крупных историков оказались забытыми...» (стр.144-145).

Через 20 лет преобладал уже другой тон. В статье 1975 года, посвященной Великой победе 1945 года, у него уже нет ни слова о русских как главной силе, которая смогла сломить наступательный военный порыв немецкого народа и его союзников. Да и сама статья, опубликованная в главной областной газете «Волжская коммуна», называлась штампованно: «Интернациональный подвиг советского народа». Читаем в ней идеологические клише об «идейной убеждённости советских людей», их любви «к своей социалистической родине», о Ленине, предвидевшем, что грядет война «в защиту социалистического отечества» (стр.200-201). Пашенцев сослался и на Сталина, но процитировал лишь его «интернационалистское» положение о войне, постеснявшись привести более важные слова генералиссимуса, публично в 1945 г. возгласившего здравицу «русскому народу», «заслужившему в этой войне общее признание, как руководящей силы Советского Союза среди всех народов нашей страны»¹.

Личная трагедия Н.П. Пашенцева, безусловно, честного человека, отобразила трагедию раздвоенности коммунистической элиты нашей великой страны, которая стеснялась своего русизма. Не понимая опасности пленения народного духа в подвалах своей души, «советская» элита, в большинстве русская, распространила сродное русским смирение на сферу политики, в которой оно недопустимо. Многие же из тех, кто не стеснялся своей народности, как Н.А. Вознесенский, М.И. Родионов, А.А. Кузнецов и многие другие, были после войны расстреляны в рамках «Ленинградского дела». В этом страшном событии новейшей отечественной истории как раз и отобразилась противоречивость курса Сталина, который сначала воздал должное русизму как главной опоре страны, а затем наотмашь по нему ударил. Сам вождь, безусловный гений политики, во многом подорвал возможность русского возрождения в рамках установившейся большевистской системы. Это урок и современной политической элите России, которая пока не избавилась от духа безродности, унаследованного от прошлого. Надо, наконец, понять, что смирение нельзя распространять на политическую сферу. Слабого бьют даже народы-родичи, если не чувствуют у него силы, прежде всего внутренней, духовной.

К сожалению, как это можно судить по материалам книги, Пашенцев лишь частично осознал значение русизма для судеб нашего отечества, хотя, конечно, для коммуниста-интернаци-

оналиста, каким он был, это всё-таки был шаг вперёд. Достаточно сравнить его подход с писаниями нашего главного «перестройщика», у которого в главной его книге 80-х гг. нет ни одного доброго слова о народе, к которому он принадлежал². Ещё до её издания Пашенцев в письме к М.С. Горбачёву, написанном в 1985 г., настаивал на необходимости проведения такой международной политики, которая учитывает базовые национальные и геополитические расхождения между Россией и Западом. Пашенцев, почувствовавший недопустимый космополитический тон курса Горбачева, заметил: «...наша могучая страна – основное и единственное реальное мощное препятствие на пути США к мировому господству. Дело не в антикоммунистических эмоциях Рейгана... **Была бы наша страна капиталистической, но обладающей такой же мощью, результат был бы таким же.** Американский империализм избрал бы тогда лишь иной идейно-теоретический камуфляж для прикрытия планов ликвидации последнего препятствия на пути к своему господству». Далее Пашенцев сделал верное обобщение, по сути, подчёркнув, что в СССР у правящей партии в постсталинскую эпоху исчезли национальные приоритеты. Он призвал покончить с этим положением: «Вот уже почти три десятилетия из-за волюнтаристских посылок в области теории и идеологии идёт странный процесс уступок сомнительным союзникам... на Западе в надежде на их сомнительную поддержку и одновременно растрачивается **нравственное богатство народа**, его патриотический боевой настрой, накопленный в 30-е и 40-е годы» (стр.325; выделено мною. – В.Ш.).

Пашенцев, таким образом, увидел ментальные ловушки, которые разрабатывались «партийными теоретиками» вроде А.Н. Яковлева и Е.Т. Гайдара. Например, начиная с хрущёвского времени с высоких трибун говорилось о «мирном сосуществовании», «мирном вращении народов в социализм», «конвергенции» стран с «разными системами». Эти сконструированные идеологемы затушёвывали историческое противостояние Запада и России, которое и сегодня нисколько не уменьшилось.

А.С. Пушкин в 1826 г. написал по требованию Николая I аналитическую записку «О народном воспитании», в которой сказал о пагубном влиянии «чужеземного идеологизма» и о необходимости соединения национального просвещения с «духом народа»³. К сожалению, наша коммунистическая элита, также как и прежде царские верхи, не уловила этого совета гения и его последователей, славянофилов и почвенников. Трагедия Советской власти заключалась в отвержении её носителями русского народного

духа, выпестованного национальной традицией. Это видно из обозреваемой антологии о Пашенцеве. Судя по всему, он ничего не знал о духовно-нравственной силе единой Русской Традиции в её императивном требовании отринуть от Руси западный либеральный идеологизм и его производные, такие как социализм и марксизм.

Это было общим проявлением трагедии советской интеллигенции, лишённой возможности ученичества у славянофилов и почвенников, а также их продолжателей: К.Н. Леонтьева, В.В. Розанова, отца Павла Флоренского, Л.П. Карсавина, других первейших национальных мыслителей XX века, развивавших пушкинско-тютчевско-достоевское воззрение на «особенную статью» России, которая должна избавиться от «чужебности» и приверженности к модным, но чуждым «измам». Очевидно, Пашенцев не воспринял духовный напор нового этапа Русского возрождения, подвигавший на борьбу за национальную самобытность В.М. Шукшина, В.А. Солоухина, В.И. Белова, В.С. Высоцкого, С.Н. Семанова, В.Г. Распутина, П.А. Палиевского, М.Н. Любомудрова, многих других художников слова и мыслителей. Вся русская полнота 60-80-х годов XX века взывала к политической элите, вопрошая: зачем нам какая-то искусственная идеология, когда у нас есть Русская земля и русские люди со своим удивительным народным характером, которому «внятно всё». Зачем нам подражательность, когда мы – носители духовной победоносной традиции, зовущей к последней, политической победе? Это был мощный глас Руси, «встающей с колен», звучавший в «марксистско-ленинской», а затем и в «либеральной» пустыне, которую он пока не сумел возродить к национальной жизни.

Многие представители современной российской элиты также не ведают «самого, самого главного» у нас, пытаясь вместо возрождения *русской идеи*, этой «идеи сердца», по меткому выражению И.А. Ильина, снова позаимствовать за морем некую спасительную «идеологию» в «европейском духе». Отсюда, например, наш ошибочный курс на *многопартийность* западного типа вместо торжества *соборности*, опирающейся не на политические объединения, а на корпоративные (кстати, мы не видим в России самого нужного сегодня крестьянского объединения!).

«Не стоит село без праведника», – как ни странно, именно эта русская истина вспоминается при знакомстве с антологией о Пашенцеве. В другое время он мог бы стать православным подвижником, живущим «Единым на потребу». Дитя же революции, он стремился к «честной» большевистской партийности, всё больше расходясь с практиками советского дела, идеологически эволюционировавшего в сторону западного либера-

лизма. Он временами протестовал, чувствуя, что текущая политика всё больше отходит от священных, как ему думалось, глаголов Ленина и Сталина, сближаясь с тем Западом, который «хочет нас пожроти». Он это верно почувствовал.

Чего же не смог понять Пашенцев как прямодушный человек своего перекорёженного времени? Лишенный по условиям эпохи «русских университетов», он не понял, что марксистская идеология, которой он был верен, родилась на матрице западного либерализма, была его естественным продолжением. Не зря молодой Ленин сказал: «Мы пойдём другим путём». Цель этого (тоже честного) марксиста действительно состояла в торжестве либерализма, только марксова извода, в «освобождении мирового пролетариата» и «всего человечества». Подвёл, правда, этот мировой пролетариат, не пожелавший такого освобождения, не сумевший забыть о своей народности: о собственном природном германизме, американизме, англиканстве, полонизме и т. д.

Марксистский глобальный проект провалился, и русский большевизм стал приспосабливаться к новым обстоятельствам. Сталин, не отказываясь от марксизма, подвинулся к русизму, но у этого марксиста-ленинца данный крен не мог быть последовательным, отсюда и его смертельный удар по русским политикам после окончания Великой войны. Начиная с хрущёвских времён всё большую силу стал набирать неокommунизм, движение «без креста», направленное, по сути, к воссоединению с западной идеологией либерализма, отпочкованием от которого в XIX веке стали социализм и коммунизм. Этот процесс, наконец, привёл к горбачевизму, сделавшему уже сознательный поворот к западному либерализму как новой руководящей идеологии «перестроившейся» коммунистической элиты. Верхи КПСС оказались поборниками этого нового движения, ставшего идеологическим возвратом к своей «англо-американской маме». Та же всегда звала к «свободному рынку», то есть к господству над народами, не принадлежащими к романо-германскому миру. Деспотизм Запада как-то не замечался зашоренными западниками Горбачёвым и компанией за приятным для них лично общением с его властными представителями, относившимися к нашему лидеру как к «полезному идиоту». Они-то всегда помнили о коренных отличиях России и Запада.

Пашенцев, как честный человек, учёный-патриот и коммунист, не смог «вписаться» в этот «горбачёвский поворот» к Западу в условиях очередного пленения нашей официальной мысли «чужеземным идеологизмом», которым так небескорыстно увлеклись наши партийные и комсомольские верхи. Власть имущие времён «раз-

витого социализма» и «перестройки», конечно, посмеивались над идеализмом такого рода людей, как Пашенцев. Эволюционировавшая идеологически, по пути к своей западной родине, советская система постепенно отвергала такого рода «старых большевиков», повернувшихся к русизму вослед Сталину. Пишущему эти строки данные процессы хорошо знакомы. Будучи в молодые годы верующим марксистом, я был изгнан из КПСС в 1978 году во время службы в армии⁴. Сама жизнь показывала мертворожденность искусственно-доктринального строя, постепенно перерождавшегося в рамках общей либеральной матрицы, «бывшего по своим», по тем, кто не желал «колебаться вместе с генеральной линией».

Антология Е.Е. Шеремеева о Н.П. Пашенцеве весьма полезна в наше время. Это большой труд о честном учёном, призывавшем к свободной мысли в рамках своего марксистского верования. Модус честности, столь ярко запечатлённый в его личности, вызывал желание подражать, что помогло творческому росту его учеников, отказавшихся в результате и от догмы своего учителя. Это работа о совестливом человеке, русское сердце которого заставляло бороться за правду, а пленённый марксовской доктриной ум не мог вырваться из интеллигентских идеологических оков. Книга даёт возможность читателю почувствовать это основное противоречие современной эпохи и помочь России вернуться в наш родной пушкинский дом из заморского ментального и нравственного плена.

Не сомневаюсь, что рассматриваемая книга займёт достойное место в историографии самарского регионоведения, она не только встанет рядом с изданиями о С.Г. Басине, Е.И. Медведеве, но и потребует от самарцев обращения к именам Ф.Я. Водоватова, Ф.Ф. Захарова, К.Я. Наякшина, Г.Н. Рутберга, А.С. Силина, Л.В. Храмова, других учёных советского периода, судьбы которых отразили трагедию и славу России XX века⁵.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Сталин И.В. О Великой отечественной войне Советского Союза. Изд. пятое. М., 1949. С.196.

² См.: Горбачев М.С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и всего мира. М., 1988. Показательна уже первая (и сразу космополитическая) строка этой книги. Читаем: «Я написал эту книгу с желанием обратиться к народам напрямую. К народам СССР, США, любой страны».

³ См.: Пушкин А.С. О народном воспитании // Пушкин А.С. Полн. собр. соч. в 10 тт. Т.7. М., 1964. С.42-49.

⁴ Я был призван на службу в 1977 г. по окончании с отличием истфака Куйбышевского университета (1975). Был комсомольским секретарём большой батареи (9 взводов), публиковал статьи в армейской печати, с удовольствием читал по просьбе офицеров лекции о международном положении, о новой Конституции, клеймил английский империализм и лично М. Тэтчер за Фолкленды, опираясь на материалы английской коммунистической газеты «Morning Star», экземпляр которой получал по почте от родителей. По службе у меня не было нареканий, даже наоборот. Однако политотдел нашей славной части (ею был сбит в 1960 г. американский самолёт-разведчик Пауэрса) не утвердил решения партсобрания роты, избравшего меня по большинству голосов в члены КПСС (против моего избрания голосовал только парторг, прося у меня жалобным взглядом прощение за выполнение чьего-то приказа). Плюс был в том, что стала понятна мерзость системы, которая отвергала «идейных», наивно полагавших, что они для неё «свои». Случившееся для меня было экспериментальным доказательством лжи советизма, идеология которого была набором мёртвящих знаков. Власти это также понимали эмпирически и, желая жить дальше, уходили «вправо» в рамках своей космополитической либеральной матрицы, оправдываясь, мол, «не удался коммунист Маркс, вернёмся к его учителю либералу Канту, основоположнику немецкой диалектики». Людям же с другой закваской пришлось искать другие, национальные жизненные ориентиры. Конечно, нельзя не быть признательным судьбе за такое научение, воспринимавшееся, правда, в то время как «крушение всего».

⁵ Некоторых из упомянутых учёных довелось знать лично. Проф. С.Г. Басин в 1985 г. радушно принял меня на работу доцентом кафедры Истории СССР, которой руководил в Куйбышевском пединституте, став добрым и требовательным наставником; проф. Е.И. Медведев помогал осваивать самарское краеведение в 1974 году, в мою бытность студентом истфака Куйбышевского университета; с проф. К.Я. Наякшиным в 1976 г. общался по поводу возможной работы ассистентом его исторической кафедры в Куйбышевском политехническом институте (этого не случилось, несмотря на рекомендацию Р.П. Поддубной, за что остаюсь ей признательным до сих пор). Профессор Ленар Васильевич Храмов был преподавателем моего спецкурса в 1974-75 гг. и руководителем дипломной работы. Он учил нас ценить время и не тратить его попусту. Постоянно цитирую своим ученикам его поучительные слова о необходимости ставить в жизни большие цели. Спасибо моим наставникам и учителям!

*Доктор исторических наук, профессор
Балтийского федерального университета
им. И. Канта (г.Калининград)
В.Н. Шульгин*